

ИРАНЦЫ И ТЮРКИ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ СКИФСКОГО И ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Пьянков И.В.

e-mail: igor.pyankov@novsu.ru

Иранцы и тюрки жили в степях Евразии с древних времен. Но историческая роль их была различна. Тюрки (хунны и динлины) обитали на крайнем востоке великого степного пояса, иранцы (скифы) жили к западу от них. Вся история степей этого времени представляется в виде последовательных волн кочевников, направленных с востока на запад. Анализ источников показывает, что предки тюрков появились на западе (вплоть до Казахстана) на много раньше, чем предполагали до сих пор.

Настоящая статья посвящена юбилею выдающегося археолога, исследователя далекого прошлого степей Северной Евразии Елены Ефимовны Кузьминой. Одним из главных достижений Елены Ефимовны является неоспоримое доказательство ею индоиранской этнической принадлежности андроновской археологической культуры (последний доступный автору обзор проблемы, принадлежащий самой Е.Е. Кузьминой, см.: [2, с. 385-411]).

Но андроновская культура – не единственная археологическая культура предшественников скифов в степях Евразии бронзового века. Каковы были отношения андроновской культурной общности с одновременными ей культурами степей бронзового века, и какова была судьба этой общности в последующую, “скифскую”, эпоху – в эпоху раннего железа? Те же вопросы возникают и по поводу исторических судеб этнических общностей – носителей соответствующих археологических культур. Отвечая на эти вопросы, исследователи давно уже пришли к выводу, что простая преемственность между андроновцами и более поздними исторически известными ираноязычными степняками – такими, как саки или массагеты – отсутствует. В известной мере подытожил это наблюдение Л.Т. Яблонский, отметив, что о преемственности в данном случае можно говорить лишь в самом общем плане, “с высоты птичьего полета”, на более же низких таксономических уровнях этот вывод нуждается в существенных коррективах [10, с. 787-788]. С этим нельзя не согласиться. Преемственность между андроновцами – с одной стороны, саками, массагетами и др. – с другой выражается в их общей ираноязычности, но во многих чертах материальной и духовной культуры, даже в физическом облике – это разные народы.

Различия эти таковы, что они не могут быть результатом естественной эволюции. Они могут быть объяснены лишь влиянием этнического суперстрата. Об этом суперстрате мне доводилось писать уже давно и не раз (см., например: [5, с.231-234]). Но в данном случае мне показалось интересным остановиться на мнении самой Елены Ефимовны по указанному поводу. Приведу любопытную цитату из уже цитированной работы: “Е.Е. Кузьмина считает, что дандыбаевская культура не была связана своим происхождением с андроновским куьтурогенезом и приписывает ее появление приходу с востока племен *тюркского* происхождения (никак, впрочем, не аргументируя это странное, на наш взгляд, заявление)” [10, с. 780]. Цитата интересна тем, что в ней отражены и тезис Е.Е. Кузьминой, и отношение к нему автора.

Дандыбаевская культура большинством археологов считается производной от карасукской. Носители карасукско-дандыбаевской культуры, продвинувшись на запад (IX-VIII вв. до н.э.), составили, видимо, элитный слой населения – слой обладателей “мавзолеев”, образцом которых может служить тагискенский мавзолей в древних

низовьях Сырдарьи. Они наслоились на местный субстрат, которым на севере оказались люди саргаринской культуры, а на юге – андроновской. Но с переходом к эпохе раннего железа началось новое движение племен с востока. Создатели тасмолинской культуры вторглись через Джунгарию в Центральный Казахстан (конец VIII-начало VII вв. до н.э.) и вытеснили отсюда прежнее население, которое и явилось прямым предком исторических саков и массагетов. (Излагаю это по общим сводкам в работах: [7, с. 26; 8, с. 164-167]; там же см. ссылки на литературу).

Как истолковать все эти события в свете этнической истории? Какое место занимают в ней носители дандыбаевской культуры и можно ли связать с ней тюркский этнос? Скептическая нота в приведенной выше цитате не случайна. В нашей науке еще в советское время почему-то наметилась тенденция фактически полностью исключать тюркский элемент из ранней истории степей.

Карасукскую культуру я, как и большинство исследователей, считаю прототибетско-енисейской в этническом отношении [9, с.126-129; 12, р. 81-87]. Прототибетцы в те времена, возможно, составляли еще единое целое с родственными им протоенисейцами. Китайцы называли их племенами жун. Это были кочевые племена, соседи китайцев с севера и запада, обитавшие в степях Ордоса и Ганьсу. (О жунах в контексте древней истории степей Евразии см.: [5, с. 216-238]; там же см. ссылки на литературу).

В XII-X вв. до н.э. жуны находились в сложных отношениях с китайцами. С государством Шан у жунов были союзнические отношения, и они даже помогали своему соседу в его борьбе с чжоусцами, а с пришедшим ему на смену государством Чжоу – враждебные. Эта ситуация отразилась и в археологии: в XIII-XII вв. до н.э. культуры “ордосских бронз” процветают, а в течение XI в. до н.э. постепенно исчезают в Ордосе. В результате исхода из Ордоса носителей этих культур, очевидно, и складывается карасукская культура, начало которой относят к XII-XI вв. до н.э. Карасукскую культуру давно уже связывали с “ордосскими бронзами”, а после открытия в Ордосе соответствующих им культур ордосское происхождение карасукской культуры становится бесспорным.

В конце IX-начале VIII вв. до н.э. среди жунов, оставшихся в степях к северу и западу от коренного Китая, вновь начинается брожение, возможно, под влиянием каких-то климатических изменений (ср.: [8, с. 170-172]). Разные племена жунов все больше наступают на Китай, расселяются по Китайской равнине, так что чжоуские ваны в конце концов вынуждены перенести свою столицу на восток, в город Лои (771 г. до н.э.). Несомненно, что те же факторы заставляли жунов расширять свою территорию и в степных просторах на западе. В результате, возможно, был создан новый мощный союз племен, земли которого простирались от Тувы (Аржан) до древних низовьев Сырдарьи (Тагискен). Жуны с их родовыми “мавзолеями” имели в нем статус правящего, “царского”, племени. Так надо представлять себе формирование дандыбаевской культуры. Это второе нашествие жунов оставило следы уже не только в китайских источниках, но и в древнегреческом и древнеиранском эпосе.

Во второй половине VII в. до н.э. грек Аристей Проконнеский совершил далекое путешествие в степи исседонов (Исеть, Тобол) [4, с. 15-35]. В своей поэме он рассказал о большом передвижении народов в степной полосе как о недавнем событии. Только “гипербореи” (китайцы), жившие на краю земли, у “другого моря”, были мирным оседлым народом. Но их соседи аримаспы, “самые могучие из всех мужей”, явились инициаторами передвижения народов. Они потеснили исседонов, исседоны изгнали скифов, а те – киммерийцев из Северного Причерноморья. Так

Аристей объяснял события, связанные с нашествием кочевников на страны Передней Азии в конце VIII-VII вв. до н.э.

Воинственные жуны, носители дандыбаевской культуры, воплотились здесь в образ полусказочных аримаспов (об этом образе и его тибетской основе см.: [5, с. 223-225, 233-234]). Угорских же исседонов, которые в VI-IV вв. до н.э. прочно связываются с лесостепной гороховско-саргатской культурой, в данном случае, в IX-VIII вв. до н.э., надо считать носителями степной саргаринской культуры, которая ближе к угорским “андроноидным” культурам зауральской лесостепи, чем к предшествующим степным андроновским культурам. Экспансия дандыбаевцев в область расселения саргаринцев в это время была настолько глубокой, что некоторые исследователи говорят даже о единой дандыбаевско-саргаринской культуре [8, с.164]. Такой же была экспансия дандыбаевцев в область низовьев Сырдарьи и Амударьи. Это обстоятельство, между прочим, объясняет существование общего для исседонов и массагетов “погребального” обычая, описанного Геродотом (I, 216; IV, 26), явно тибетского происхождения. В таком случае древнейшими ираноязычными скифами, которых вытеснили исседоны из степей Южного Урала, будут носители местного варианта андроновской алакульской культуры.

В иранской “Книге царей” те же носители дандыбаевской культуры выступают под именем туров, самых упорных врагов иранцев. Считается, что и туры в массе своей были ираноязычным народом, и возможно, что так оно и было: ведь потомки андроновцев вошли в состав разноплеменного объединения туров и, наверное, составляли там большинство. Можно полагать, что именно это обстоятельство отделило их от других иранских племен и положило начало формированию восточноиранских языков, на которых впоследствии говорили массагеты, саки, савроматы, скифы и еще многие “скифские” в широком смысле народы. Но не все имена турецких предводителей, в том числе и имя их царя Афрасиаба, поддаются объяснению из иранских языков, а сам Афрасиаб (Франграсьян) говорил на непонятном для арьев языке. Очевидно, элита кочевников дольше сохраняла свой родной язык. Владения туров Афрасиаба простирались от Канга и Ката (низовья Сырдарьи и Амударьи) до страны Чин (Китай) у крайнего “моря Чин”, а столица Афрасиаба (другой Канг) находилась где-то далеко за рекой Гульзарриун (Сырдарья), за Шашем и Исфиджабом.

В древнейшем цикле сказаний “Книги царей” повествуется о войне арийского кави Хаусравы с предводителем туров Франграсьяном. Событие это датируется первой половиной VIII в. до н.э. Особенно воспевается взятие арьями замка Хшатросаука турецкого рода Вайсака в стране Кангха (Канг в низовьях Сырдарьи) – очевидно, имеется в виду разграбление и сожжение тагискенского мавзолея.

До сих пор, говоря о временах дандыбаевской культуры, мы, как видим, имели дело с прототибетскими племенами жун. Проявил ли как-то себя в эту эпоху тюркский этнос? Испанский исследователь А. Алемани, рассматривая события, связанные с военной активностью кочевников на северных и западных границах Китая в конце IX-начале VIII вв. до н.э., заметил, что в то время как знаменитый китайский историк Сыма-Цянь (II-I вв. до н.э.) говорит в данной связи только о жунах, в современной событиям книге Шицзин жуны хотя и упоминаются как угроза с запада, основная активность приписана племени хьяньюн (Xianyun), нападавшему на Китай с севера, из Ордоса и Шаньси; очевидно, Сыма-Цянь говорил о жунах в обобщающем смысле [11, р. 45-55].

Это существенно меняет наши представления об этнической ситуации в регионе. Племя хьяньюн – предки хуннов, а хунны – уже не прототибетцы, а древние пратюрки,

родоначальники гунно-булгарской ветви тюркских народов. Еще в эпоху “ордосских бронз” (XIII-XI вв. до н.э.) предки хуннов, именовавшиеся тогда племенем гуйфан, обитали в Ордосе вместе с жунами, а после ухода жунов заняли их место, расселяясь также в Шаньси (Тайюань), а может быть и далее, вплоть до Южной Маньчжурии. Возможно, хьяньюны играли ведущую роль среди жунов и в IX в. до н.э., иницируя их движение в Китайскую равнину и в степи на запад. Не исключено даже, что и правящий род жунов дандыбаевской культуры происходил из хьяньюнов. Это предположение подтверждается последующими событиями на территории Средней Азии, когда вновь неожиданно всплывает имя последних в форме хьяуна (хьяунина).

В конце VII в. до н.э. иранцы под предводительством кави Виштаспы сталкиваются с новым врагом – племенем хьяуна (Нуаона), наследниками туров. Судя по ряду признаков, в частности, по их прозвищу “острошапочные”, это уже непосредственно тот народ, который античные авторы называли массагетами. А.А.Амбарцумян убедительно показал, что название “хьяуна”, встречающееся в авестийских текстах, является подлинным, а не поздней интерполяцией, как обычно считалось; название “хиониты”, которое позже прилагалось к разным кочевым народам, - не оригинал, а, наоборот, позднее производное от “хьяуна” [1, с. 35-72]. Отсюда – важное последствие: выше уже говорилось, что археологически массагеты являются прямыми потомками дандыбаевцев Центрального Казахстана, а раз так, то массагеты, очевидно, могли унаследовать и племенное имя своих бывших владык – прахуннов.

Таким образом, высказанное Е.Е. Кузьминой походя замечание, с которого мы начали настоящую статью, не столь уж далеко от истины.

Несколько позже тюркский элемент выступает в истории степей еще более отчетливо. В середине VII в. до н.э. военная активность в северном китайском пограничье переходит к племенам ди. Эти племена большинство исследователей уверенно считают протоенисейцами [5, с. 229]. Движение этих племен из Ордоса на север и запад, в степи Монголии и Казахстана, началось, видимо, еще раньше, в конце VIII в. до н.э. На новых местах они стали известны под именем динлинов. Там с ними произошло то же, что до них с жунами: большинство их растворилось этнически среди местного населения. В Монголии таким населением были местные пратюрки, и сложившийся новый народ теле (< динлин) стал предком тюркских народов огузской и старобуйгурской ветвей [5, с. 231-232]. Китайские источники помещают динлинов в двух местах: 1) в Центральной и Восточной Монголии [3, с. 199-203], 2) в Центральном Казахстане [6, с. 13-18]. Археологически первым динлинам будет соответствовать культура плиточных могил, вторым – тасмолинская культура. В китайской традиции племена ди связаны с “амазонскими” мотивами, и я высказал предположение что под “скифскими” амазонками греков скрываются те же племена ди. Если так, то экспансия этих племен коснулась не только Монголии и Казахстана, где они прочно обосновались, но и Волго-Донских степей, где они образовали отдельный анклав под названием савроматов, а в своих набегах они достигали Дуная и земель за ним. Но на этот раз протоенисейский суперстрат наложился на иную основу – иранскую – и растворился среди нее, поэтому в савроматах мы видим уже ираноязычный народ [5, с. 227-228].

Все сказанное выше позволяет предполагать, что тюркский элемент, хотя и не в чистом виде, присутствовал среди кочевников восточной части Евразийских степей уже в древности: пратюрки гуннской ветви – с IX-VIII вв. до н.э., пратюрки огузской ветви – с VIII-VII вв. до н.э. Исходными областями для первых послужил Ордос, для вторых – Центральная и Восточная Монголия. Можно предполагать, что на запад,

вплоть до Центрального Казахстана включительно, тюркоязычные племена продвинулись уже к эпохе раннего железа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Амбарцумян А.А. Этноним “хьяона” в Авесте // Записки Вост. отделения Российского археологического общества. СПб, 2002. Т. I (XXVI). С. 35-72.
2. Кузьмина Е.Е. К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005. С. 383-411.
3. Пьянков И.В. Еще раз к вопросу о динлинах // Лев Николаевич Гумилев: теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. СПб, 2002. Т. I. С. 199-203.
4. Пьянков И.В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон: альманах по древней истории и культуре. - Екатеринбург, 2005. Т. III. С. 15-35.
5. Пьянков И.В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки // Записки Вост. отделения Российского археологического общества. СПб, 2006. Т. II (XXVII). С. 215-238.
6. Пьянков И.В. Западные динлины – первый тюркоязычный народ на территории Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006. Ч. II. С. 13-17.
7. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. 493 с.
8. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени в восточной части степной Евразии // Степная цивилизация восточной Евразии. Астана, 2003. Т. I. С. 157-179.
9. Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. 278 с.
10. Яблонский Л.Т. Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа // Центральная Азия: источники, история, культура. М., 2005. С.776-791.
11. Alemany A. Els “Cants arimaspeus” d’Aristeas de Proconnès i la caiguda dels Zhou occidentals // Faventia. 1999. 21/2. P. 45-55.
12. Prušek J. Chinese statelets and the northern barbarians 1400-300 B.C. Praha, 1971. 313 p.